

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЕВА

Понимание мира в пространственных категориях всегда было актуально для русской культуры. Как западные, так и русские богословские концепции основывались на идее перемещения человека из града земного в мир небесный. Следствием этого стало наделение внешнего географического пространства религиозно-утопическими признаками.

Традиционные образы земли и неба у Гумилева связываются с представлениями о высших силах бытия и свидетельствуют о религиозности. В поэтическом мире Гумилева небо чаще всего соотносится с областью трансцендентного, с Богом и наделяется положительными характеристиками за счет включения в модель вечности («Душе измученной приют / В чертогах радостного Бога» [1, с. 26]), земной топос, напротив, отмечен амбивалентными характеристиками. Жизнь воспринимается как карнавальное действо, всемирный обряд приобщения любви-страсти: «Он совершен, великий брак, / Безумный крик всемирных оргий! / Пускай леса оденет мрак, / В них было счастье и восторги» [1, с. 62].

У Гумилева небо одушевлено и идеально («Небес далёких синева / Твердит неясные упреки», [1, с. 59]).

В поэтической вселенной Н. Гумилева роль демиурга традиционно выполняет Бог.

Высота представляет модель идеально устроенного мира, соотношенного с вечностью («...Ярок восторг высоты, / Будем мы вечно встречаться / В вечном блаженстве мечты [1, с. 41]). Высота становится и параметром внутреннего пространства, в области которого герой делает свой выбор. Концептуальную значимость приобретает мотив жертвы, на которую идет герой-бог во имя земли: «Жертвой будь голубой, предрассветной... / В темных безднах беззвучно сгори...» [1, с. 76].

Образ бездны в творчестве поэта также имеет разные смыслы.

У Гумилева продвижение вниз по вертикальной оси связано с поисками древнего знания и, соответственно, отрывом от божественного Абсолюта. Герой поэзии Гумилева так или иначе терпит поражение, создавая чуждую ему метафизическую глубину («Баллада», «Созидающий башню сорвется»).

Итак, пространство в поэзии Н. Гумилева представлено через бинарные оппозиции. Внешнее пространство составляют оппозиции земля – небо, высоты – бездны, которые являются также параметрами внутреннего мира человека.

Небо, высота у Гумилева ассоциируется со стремлением к Богу, Абсолюту. Земное пространство зачастую расценивается как область искушения, а нижний мир приближает к Дьяволу и древнему познанию.

У Гумилева земля и небо – это идеальная модель мироустройства.

Модель мира, представленная в творчестве Н. Гумилева, предполагает сосредоточенность на феномене космического сознания (триптих Гумилева «Душа и тело»).

Бытие Бога соотносится с представлениями о вечности и бесконечности. Материя в мире Гумилева обречена на умирание. Душа выступает как постоянно развивающаяся субстанция, причем ее эволюция является логическим следствием переживаемого страдания.

Таким образом, в центре поэтической вселенной Н. Гумилева – феномен космического сознания, определяющего бытие и духовной, и телесной субстанций.

Поэтика странствий актуализирует в творчестве Гумилева разнообразие географических наименований (Венеция, Неаполь, Лаос и др.). Заметим, что модус городского существования чаще всего у него наделяется элементами ирреальности (например, в стихотворении «Стокгольм»). Ирреальность задается отнесенностью локуса города в область сна, что, в свою очередь, порождает тему плутания героя «в слепых переходах пространств и времен».

В системе пространственных построений Н. Гумилева городской топос несет в себе все знаки потустороннего бытия.

У Гумилева смерть героя является следствием враждебности самого пространства по отношению к человеку.

Концепция времени у Гумилева реализует разные смысловые потенциалы, а элемент внешнего восприятия практически отсутствует.

Гумилева почти не интересует настоящее, оно несет, на его взгляд, с собой лишь тоску по навсегда потерянному прошлому, которое он пытается воскресить посредством памяти («Прапамять», «Сонет»). Причем утраченное прошлое рисуется самыми романтическими красками и, противопоставленное тоскливому настоящему, предстает как иная реальность, посред-

ством которой предпринимаются попытки преодолеть хронологическую заданность.

Однако преодолеть законы причинности, обусловленные необратимостью времени, герою Гумилева не удастся, так как настоящее и прошедшее в его мире разделены смертью («Сонет»).

Литература

1. Гумилев, Н.С. Лирика / Н.С. Гумилев. – М., 2005.